

Ашмарин Н. И.

Очерк народной
поэзии у чуваш

БИБЛИОТЕКА
Научно-исслед. ин-та
при Совете Министров
ЧССР

Очеркъ народной поэзіи у чувашъ ¹⁾.

Сказать, что у чувашъ есть народная поэзія, показалось бы крайне страннымъ и даже удивительнымъ въ то недавнее, сравнительно, время, когда дикіе взгляды на инородцевъ и баснословные рассказы о ихъ вѣрованіяхъ, жизни и привычкахъ господствовали въ умахъ большей части тѣхъ, считавшихъ себя интеллигентными, людей, которымъ въ силу своихъ служебныхъ обязанностей или просто близкаго сосѣдства случалось имѣть съ чувашами то или другое соприкосновеніе. Уже въ семидесятыхъ годахъ приходилось покойному Золотницкому доказывать этимъ господамъ, хотя и безуспѣшно, такую, напримѣръ, истину, что чувашскій языкъ не составляетъ какого-то страннаго жаргона, безъ логическихъ основаній, безъ установившейся грамматики, которымъ каждый можетъ распоряжаться по собственному произволу. Но времена идутъ, миновала и эта пора; начинаютъ являться лица, которыя съ любознательностью собираютъ произведенія творческой мысли этихъ, еще недавно затерянныхъ, племенъ и находятъ въ нихъ много оригинальнаго, симпатичнаго и прекраснаго, а также цѣнный матеріалъ для этнографической науки и народной психологіи, которая съ замѣчательной точностью отражается въ безыскусственной поэзіи народа, ясно отпечатлѣвающей все феномены его духовной жизни.

Чувашии весь является въ своей пѣснѣ: мѣстная природа, такъ гармонирующая съ его унылымъ характеромъ, своеобразная

¹⁾ Предлагаемый очеркъ составленъ мною главнымъ образомъ на основаніи богатаго матеріала, заключающагося въ сборникахъ чувашскихъ пѣсенъ низоваго края, доставленныхъ Этнографическому Отдѣлу Им. Ник. Юрковича, частью же по личнымъ наблюденіямъ среди верховыхъ чувашъ. *Авт.*

формы общественныхъ отношеній, незначительная сфера привязанностей, выработавшаяся подъ вліяніемъ историческихъ условій, и несложный кругозоръ, тонкая наблюдательность, улавливающая всѣ мелочи, выливаются у него иногда въ унылой и протяжной, иногда же въ живой и дико-веселой пѣснѣ. Чувашская поэзія представляетъ чрезвычайное разнообразіе въ сюжетахъ. Матеріалъ берется отовсюду; самая незначительная на нашъ взглядъ, даже ничтожная вещь притягиваетъ его вниманіе и является въ его напѣвахъ; къ самымъ обыденнымъ явленіямъ онъ относится внимательно и повѣствуетъ о нихъ, какъ о чемъ-то такомъ, что онъ видитъ впервые, и что имѣетъ для него весь интересъ новизны.

Въ чувашскихъ пѣсняхъ нѣтъ той широты, какая присуща русскому народному творчеству; онѣ заключены въ довольно тѣсный кругъ мѣстныхъ условій. Ни матушка Волга, ни чистое поле — широкая арена для удалого разгула и вольности — не фигурируютъ въ этихъ пѣсняхъ. Чувашини живеть на Волгѣ, но не воспѣваетъ ея, не даетъ ей поэтическихъ эпитетовъ; она является въ его напѣвахъ только случайно. Эта особенность чувашскихъ пѣсенъ объясняется незначительностью исторической жизни, а частью извѣстными условіями народнаго существованія, на которыхъ я остановлюсь ниже.

Какъ у другихъ народовъ, такъ и у чувашъ многія словесныя формулы, сопровождающія различныя обрядности, выражаются въ видѣ пѣсенъ, которыя поются на свадьбахъ, на пирахъ, въ благодарность за угощеніе и проч. Многіе праздники, празднуемые чувашами, послужили поводомъ къ составленію особыхъ пѣсенъ. Такъ, на масляной недѣлѣ ребятишки встрѣчаютъ масляницу слѣдующей пѣсенкой:

Пришла масляница,	Рогъ полонъ бѣликовъ,
Пришло катанье;	Карманъ полонъ пряниковъ.

Въ другой языческой праздникъ сорых-оры (въ переводѣ: овечья нога), соответствующій Рождеству, мальчики и дѣвочки обходятъ всѣ дома въ деревнѣ и поютъ такъ:

Овечья нога, Григорій. (?)
 Дѣвушки пусть будутъ безплодны,
 Женщины пусть родятъ дѣтей.
 Василиса (дочь хозяина) пусть выйдетъ замужъ,
 Пелагея пусть сидитъ дома;
 Изъ одного зерна пусть станетъ тысяча!

За эту пѣсню ихъ кормятъ тѣмъ, что есть у каждаго, а также моченымъ горохомъ, который готовится заранѣе для этой цѣли. На Пасхѣ верховые чуваша поютъ между прочимъ:

Говорили мы, что Великъ день будетъ,
 Что три дня будетъ,
 А показалось только за день.
 Молясь Богу, во имя Христа мы кашу ѣдимъ
 И радуясь илящемъ,
 Какъ намъ велѣлъ дѣдушка Богъ.

Пѣсни поются людьми всѣхъ возрастовъ безъ исключенія. Обрядовымъ пѣснямъ придается серьезное значеніе. Нужно видѣть лица чувашекъ, поющихъ на свадьбахъ, чтобы понять какая важность заключается, по ихъ мнѣнію, въ различныхъ обрядностяхъ хотя бы самыхъ незначительныхъ ¹⁾. Пѣть пѣсни считается у чувашъ однимъ изъ наиболѣе веселыхъ способовъ провести время; они такъ обращаются къ мрачнымъ, невеселымъ людямъ:

Что вы не поете, не ведете бесѣды?
 Неужели думаете, что вѣкъ придетъ дважды?
 Если и придетъ, то не для насъ,
 А придетъ для міра.

Чувашскія пѣсни не отличаются пространностью; весьма часто это—коротенькіе, несложные отрывки, въ которые облекаются какъ бы случайно сложившіяся думы и наблюденія. Самая распространенная стихотворная форма—четверостишія, которыхъ чрезвычайно много и которыя очень легко составляются по-чувашски. Обиліе этихъ маленькихъ пѣсенокъ, съ разнообразнѣйшимъ содержаніемъ, подаетъ многимъ, мало знакомымъ съ чувашами, ту мысль, что у нихъ нѣтъ установившихся произведеній народнаго творчества; но при ближайшемъ знакомствѣ это предположеніе оказывается лишненнымъ всякаго основанія, и мы замѣтимъ, что не только въ одномъ чувашскомъ селеніи, но даже на большомъ районѣ часто слышатся одни и тѣ-же мотивы, хотя иной разъ измѣненные тѣмъ или инымъ образомъ. Если же у нихъ и есть импровизація пѣсенъ, то послѣднее только указываетъ на жизненность и свѣжесть поэтическаго чувства въ чувашахъ, а

¹⁾ Мнѣ самому случилось видѣть, что чувашка крестилась передъ тѣмъ, какъ пуститься въ пляску.

также и на то, что ихъ поэзія стоитъ близко къ самой жизни и каждое интересующее ихъ явленіе находитъ въ ней свой отголосокъ.

У всѣхъ чувашъ одна поэзія, одни законы стихосложенія, у всѣхъ одинаково развита страсть къ сравненіямъ и аллитераціи, вездѣ одинаковый духъ творчества; разница только въ томъ, что различныя степени культурности сообщили пѣснямъ разныхъ мѣстностей тотъ или другой отпечатокъ, и, кромѣ того, въ музыкальномъ отношеніи напѣвы ихъ часто различны; такъ пѣніе верховыхъ чувашъ Курмышскаго уѣзда, Симбирск. г., не имѣетъ почти ничево общаго съ пѣніемъ ихъ низовыхъ соплеменниковъ въ Бунскомъ уѣздѣ ¹⁾; первое чрезвычайно оригинально, второе по моему мнѣнію, отзывается сильнымъ вліяніемъ соедѣства съ татарами, тѣмъ болѣе, что у низовыхъ чувашъ встрѣчаются пѣсни, представляющія буквальный переводъ съ татарскаго оригинала.

Характерную особенность чувашской поэзіи составляетъ богатство сравненій. Значительная часть пѣсенъ состоитъ изъ двухъ частей, дающихъ какъ бы сравненіе двухъ явленій, при чемъ основная мысль, обыкновенно касающаяся различныхъ сторонъ людскихъ отношеній, нѣкоторымъ образомъ поясняется аналогіей, взятой изъ природы. Впрочемъ, часто эта связь, существующая между частями пѣсни, только внѣшняя, скорѣе обусловливаемая общностью нѣкоторыхъ словъ, созвучіемъ и аллитераціею, нежели дѣйствительной аналогіей, какъ напримѣръ въ слѣдующей пѣснѣ:

За чернымъ лѣсомъ выпаль снѣгъ,
Тамъ черная куница проложила слѣдъ;
Не нужно слѣдить по слѣду черную куницу,
Не должно порочить имени отца и матери.

Здѣсь слова „не нужно слѣдить“ и „не должно порочить“ образуютъ по-чувашски рифму; послѣдняя, повидимому, также служитъ соединеніемъ для частей слѣдующаго четверостишія:

Заказалъ я изъ серебрянаго двугривеннаго перстень,
На глазкѣ велѣлъ написать свое имя;

¹⁾ Чуваша сами дѣлятъ себя на два племени: верховыхъ и низовыхъ (*сирѣчь* и *анатры*); они различаются нѣкоторыми особенностями языка въ произношеніи и грамматическихъ формахъ, но понимаютъ другъ-друга безъ особеннаго затрудненія.

Не надѣль я того перетня, пока не написали надпись,—
Вспомни, родной, пока совеѣмъ не позабыль.

Татарской поэзіи любовь къ сравненіямъ также свойственна. За неизмѣнимъ подѣ руками болѣе богатаго матеріала, приведу на память небольшіе отрывки изъ татарскихъ пѣсень:

Пошелъ я на поле пшеницы,
Застрѣлилъ желтаго воробышка.
День и ночь прошу я у Бога
Тебя, мою душеньку.

* * *

На берегу рѣки вѣтвистый таль,
Сорви вѣтку и въ воду брось;
Молодые годы назадъ не вернутся:
Покуда молодъ, пой пѣсни *).

Чуваши—жители лѣса. Еще недалеко то время, когда они жили небольшими отдѣльными деревушками, среди дремучихъ лѣсовъ, какъ будто скрываясь отъ людскихъ глазъ. Лѣсъ составлялъ для нихъ все; онъ давалъ имъ и жилище, и одежду, и пищу: въ лѣсахъ было много пушного звѣря, въ густыхъ зеленыхъ рощахъ превосходно велось бортевое пчеловодство, близость лѣсного матеріала давала возможность заниматься кустарнымъ производствомъ. Немудрено, что лѣсъ занимаетъ важное мѣсто въ чувашской поэзіи. Одна пѣсня такъ описываетъ тамошніе лѣса:

Черезъ тѣ овраги, гдѣ не перелетала птица,
Мы перешли;
Мы прошли черезъ лѣсъ,
Который не проходилъ медвѣдь;
Въ томъ лѣсу березникъ—
Двѣнадцать березъ изъ одного корня;
Съ верхушки на вѣйки берутъ,
Съ корня на лучину щеплютъ.
Въ томъ лѣсу орѣшникъ—

*) Въ одной русской свадебной пѣснѣ, записанной въ деревнѣ Козловкѣ, Каз. губ., слышится какъ будто отзвукъ чувашскихъ мотивовъ:

Тонкое деревцо свирѣльчатое,
Нѣтъ его тонче изъ всей рощи.
Умная дѣвушка Еленушка,
Нѣтъ ея умнее изъ всей родни,
Нѣтъ ея скромнее изъ всехъ подругъ и проч.

См. Магницкій—Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ уездѣ, Казан. г.

Двѣнадцать орѣшникъ изъ одного корня;
Съ верхушки орѣхи рвутъ,
Изъ стволовъ плетни плетутъ.

* * *

За чернымъ лѣсомъ выпалъ снѣгъ,
Тамъ дѣтенышъ черной куницы слѣдъ проложилъ.
Чтобъ слѣдить по его слѣду,
Надо лошадь съ крыльями вѣтра;
Чтобъ запрячь эту лошадь,
Надо сани съ мѣдными подрѣзами;
Чтобъ на тѣхъ саняхъ ѣхать,
Надо чловѣка съ сердцемъ птицы.

Чувашигъ, живя простою жизнью, близкою къ природѣ, связаны съ послѣднею какими-то непонятными для насъ узамъ; въ его напѣвахъ видно, что онъ чувствуетъ съ нею какую-то солидарность, любить ее, какъ существо одухотворенное, понимающее его нужды:

На радость 1) чернаго 2) Семена	Колышется черный лѣсъ,
Волнуется полевой хлѣбъ,	На радость черному лѣсу
На радость полевому хлѣбу	Радуется 3) черный Семень.

Природа представляется ему чѣмъ-то имѣющимъ свои интересы и стремленія, но въ то-же время природа и чловѣкъ составляютъ какое-то стройное цѣлое; все живетъ и стремится къ своей цѣли:

Вода волнуется, чтобъ на берегъ выйти,
Дѣвушка наряжается, чтобъ жениху угодить.
Лѣсъ растеть, чтобъ высокимъ быть,
Листья распускаеть, чтобъ красивымъ быть;
Подруга растеть, чтобъ большой быть,
Волосы чесеть, чтобъ пригожей быть.

* * *

Шумить, шумить лѣсъ, шумить,
Зачѣмъ-же все шумить онъ?
Каждый годъ хочеть сучьевъ прибавлять.
Шумить камышь, шумить камышь,
Зачѣмъ-же все шумить онъ?
Каждый годъ хочеть колѣнцевъ прибавлять.
Шумить народъ, шумить народъ,

1) Буквально: для сердца.

2) Черный у чувашъ значитъ часто *хорошій, честный* и проч. См. Словарь Золотницкаго, подъ словомъ *хорн*.

3) Буквально: волнуется.

Зачѣмъ это народъ шумить?

Каждый годъ думаетъ душъ прибавлять.

Религіозныя вѣрованія чувашъ мало затрогиваются въ пѣсняхъ; мы встрѣчаемъ въ нихъ только имя высшаго существа *Тора* и изъ низшихъ божествъ—*Юлиха*, т. е. раздѣлителя судебъ. Главное божество Тора ¹⁾, иногда называемое *Сюльди Тора*, т. е. Вышнимъ Торой, есть верховное существо, всемъ управляющее, которое заботится о людяхъ, покровительствуетъ честнымъ и благороднымъ и разрушаетъ злые навѣты. „Тора анчах“—только одинъ Богъ, говоритъ чуванинъ при постигшемъ его несчастіи, въ которомъ кромѣ Божьей милости можетъ не имѣть значенія никакая человѣческая помощь. Богъ такъ близко стоитъ къ людямъ, что входитъ во все ихъ дѣла.

На небѣ играетъ зарница,

Свѣтъ отъ нея падаетъ на землю;

Шумить полевой хлѣбъ, народъ радуется;

Нашимъ играмъ и смѣху радуется Богъ.

* * *

Всталъ я рано, вышелъ на базаръ

Выбирать ременные вожжи;

Ременная вожжи на добромъ конѣ,

А наше будущее счастье у Бога.

* * *

Вѣроятно отъ (проѣзжаго) торговца

Получили вы свой поясъ;

Тонкій станъ и черные глаза,

Вѣроятно, далъ вамъ милостивый ²⁾ Богъ.

* * *

Два молодца сѣно косятъ,

Повязавшись бѣлыми брильянтиновыми платками.

Бѣлые брильянтиновые платки раскрылъ вѣтеръ,

Слова ненавистнаго врага отвратилъ Богъ.

Вѣра въ судьбу вообще принадлежитъ многимъ народамъ Востока, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ она даже приобрѣла значеніе религіознаго догмата; эта увѣренность въ Божьемъ предопредѣленіи не чужда и чувашамъ. Пѣсни, имѣющіяся у насъ подѣ

¹⁾ Тюркское *tānri*—Богъ, небо. См. Словарь Золотницкаго, въ приложеніи: *Богъ*.

²⁾ Буквально: любя.

руками, заключаютъ въ себѣ довольно данныхъ, чтобъ прійти къ тому выводу, что вѣрованіе въ заранѣ предназначенную каждому участь составляетъ не случайный мотивъ въ пѣсняхъ, но есть нѣчто опредѣлившееся. Въ чувашскихъ пѣсняхъ употребительны два выраженія: „Богъ опредѣляилъ“ и „опредѣлилъ Богъ и Юлихъ“. Юлихъ, по вѣрованіямъ чувашъ, назначаетъ каждому *кебѣ*, т. е. счастливый или несчастный жребій ¹⁾.

Черезъ маленький оврагъ Не смогла я избѣжать того,
Не могла я перепрыгнуть; Что опредѣлили мнѣ Богъ и Раздѣлитель.

Такъ поетъ дѣвушка, противъ воли вышедшая замужъ за
немилаго человѣка.

Посмотрите на крылья ласточки,
Какъ они изгибаются, точно кольца мѣдныхъ ножницъ;
Посмотрите на Божье опредѣленіе,
Какъ оно разлучаетъ съ милыми родными!

Родственные отношенія составляютъ, такъ сказать, первообразъ всякой общественной жизни; они до того древни и такъ важны, что мы, вѣроятно, не найдемъ народа, въ пѣсняхъ котораго они не оставили бы глубокаго слѣда; семейныя узы тѣмъ болѣе должны быть крѣпки у чувашъ, у которыхъ сфера общественныхъ отношеній вовсе не обширна. Мы не находимъ у нихъ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ сознанія своей національности; если оно и зарождается, то все-таки пока еще неуловимо; всѣ отношенія ограничиваются тѣми рамками, какія представляетъ своя деревня или, самое большее, волость. Чуваша очень недавно потеряли свой полудикій характеръ, выйдя на свѣтъ Божій изъ-подъ свода дремучихъ лѣсовъ, гдѣ они жили крохотными деревушками, едва ли даже зная о существованіи чего-либо дальше своей околицы. Понятно, что тутъ негдѣ было выработаться широкимъ формамъ общественныхъ отношеній и сознанію своего единства, какъ отдѣльнаго народа.

Мы не русскіе и не татары,
Чтобы ѣздить по большимъ дорогамъ,—

¹⁾ Юлихъ—значитъ раздѣлитель, отъ *юла*—дѣлать; въ кумышскомъ говорѣ *юлихси*—человѣкъ, способный распределить, уладить дѣло. Слово „опредѣлить“, говоря о судьбѣ, чуваша выражаютъ глаголами: *сыр*, что собственно значитъ писать (=татар. *яз*), и *юр* (тат. *боzur*), что означаетъ приказывать, рѣшать; въ пѣсняхъ употребителенъ исключительно первый изъ нихъ.

поэтъ чувашинъ. Онъ домосѣдъ, и не очень любитъ бродить по чужой сторонѣ; у него есть какая-то боязнь отлучиться даже ненадолго отъ родимаго угла, и эта боязнь часто вредитъ ему же самому, заставляя его сидѣть дома, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ онъ могъ бы сдѣлать нѣкоторый заработокъ. Это опасеніе оставить родное селеніе, страхъ передъ тѣмъ неизвѣстнымъ, которое ждетъ на чужбинѣ, породила одну заунывную рекрутскую пѣсню, представляющую одну изъ лучшихъ по содержанію чувашскихъ пѣсенъ. Содержаніе ея такое: молодой рекрутъ приходитъ въ отчаяніе; его отрываютъ отъ своей деревни, дома, родныхъ, товарищей, всего, съ чѣмъ онъ сжился, безъ чего жизнь ему не въ радость:

Ахъ; батюшка, ахъ, матушка,
 Какъ мнѣ съ вами разстаться?
 Что мнѣ дѣлать, что предпринять!
 Ничего нельзя, ничего.
 Рвалъ и ѣлъ я калину—
 Съ знакомыми, сверстниками разставался;
 Рвалъ и ѣлъ я клубнику—
 Разставался съ землей и водой ¹⁾.
 Шумитъ вода, шумитъ течеть,
 Шумитъ вода, а берегъ остается,—
 Вотъ и намъ бы такъ остаться!

Онъ даже жалуется на то, что родился на свѣтъ: чѣмъ терпѣть такое горе, ужъ лучше бы „сухимъ сучкомъ стать“,

Упасть отъ осенняго вѣтра,
 Уплыть съ вешней водой;
 Чѣмъ бы мнѣ матушкинымъ сыномъ быть,
 Стать бы зеленой коровкой (растеніе):
 Сорвалъ бы добрый человѣкъ,
 Да съ удовольствіемъ бы съѣлъ ²⁾.

„Тяжело солдатское имя, тяжело его носить“,—поетъ онъ въ тоскѣ, и на чужбинѣ часто кажется ему, что вотъ-вотъ придутъ къ нему отецъ и мать, обнимутъ его и вмѣстѣ съ нимъ заплачутъ надъ его горемъ; но они далеко:

Среди поля старый дубъ,—
 Подумалъ я, что батюшка, и подошелъ;
 Не сказалъ онъ мнѣ: пойдн ко мнѣ, сынокъ,—
 То не былъ мой отецъ!

¹⁾ Земля и вода—родина.

²⁾ Въ оригиналѣ: сорвалъ бы и добро видѣлъ.

Недостаточное сознание своего единства и своихъ національныхъ особенностей, а также неопредѣленность религиозныхъ и другихъ взглядовъ помѣшали выработаться національной нетерпимости, которая часто замѣчается у другихъ народностей. Возьмемъ такой фактъ: русскій мужикъ никогда не сядетъ обѣдать съ татарининомъ, у чувашъ же это случается сплошь да рядомъ; бѣдные татары обыкновенно собираютъ милостыню по чувашскимъ деревнямъ, потому что русскіе не всегда подаютъ имъ, а для чувашина они „савах сын“—всѣ тѣ-же люди, что и другіе.

Какъ мы сказали выше, чувашинъ мало сознаетъ свою связь съ прочими членами его племени, это замѣтно по тѣмъ смутнымъ и страннымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣютъ чуваша о своихъ отдаленныхъ соплеменникахъ. Чувашинъ, живущій въ одномъ изъ уѣздовъ, плохо знаетъ чувашъ другихъ уѣздовъ той-же губерніи, а тѣмъ болѣе отдаленныхъ. О нихъ ему извѣстно лишь то, что языкъ ихъ не всегда тождественъ съ его собственнымъ, а у дальнихъ даже, будто-бы, непонятенъ. Онъ знаетъ также, что кое-гдѣ еще держится древній культъ киримети,—вотъ и все; общей связи, какъ православіе русскимъ, могометанство татарамъ, религія имъ не даетъ. Въ чувашекихъ пѣсняхъ и разговорахъ проскальзываетъ изрѣдка смутное пониманіе того, что у нихъ есть что-то свое, свои особенности, оригинальныя расовыя черты; существуетъ преданіе о томъ, что верховный Богъ Тора далъ имъ отдѣльную вѣру, одну изъ семидесяти семи вѣръ, принадлежащихъ семидесяти семи народамъ, обитающимъ на землѣ, но все это крайне неопредѣленно и еще не формируетъ сознанія народности, а только представляетъ задатки возможнаго въ будущемъ единенія.

Родные пріятны какъ медь;
Чужіе противны, какъ кровь,

говоритъ чувашская пословица. Сильная привязанность къ своимъ родственникамъ слышится во многихъ ихъ пѣсняхъ. Кругъ ихъ симпатій такъ узокъ, что вся ихъ привязанность съ тѣмъ болшею силою концентрируется на тѣхъ, кто связанъ съ ними узами крови. „Отецъ и мать души свѣтъ“, говоритъ ихъ пѣсни. Въ народныхъ пѣсняхъ чувашъ отношенія къ родителямъ самыя свѣтлыя и теплыя, дѣти вездѣ вспоминаютъ съ благодарностью о жизни въ домѣ своихъ родителей и относятся съ уваженіемъ къ

своимъ кормильцамъ и воспитателямъ. Въ одномъ мѣстѣ сынъ, обращаясь къ отцу и матери, говоритъ:

Благослови, батюшка, благослови, матушка,
Пожелайте добра тому, кто вскормленъ
Молокомъ вашихъ грудей.

Дѣвушка, вышедшая замужъ, такъ отзывается о своей жизни подъ отцовскимъ кровомъ:

Сидѣла я въ отцовскомъ домѣ,
Какъ гусыня, посаженная на яйца;
Жила я въ отцовскомъ домѣ.
Какъ сто-шестидесяти-рублевый конь.

* * *

У начала семи овраговъ
Ягодъ много, да мѣста мало,
Въ домѣ отца и матери
Добра много, да дней мало (т. е. жить недолго)

* * *

Вышла я за околицу, накопила сѣна,
Вышло сѣна двѣнадцать копенъ;
Между тѣми двѣнадцатью копнами,
Выростила я ровную коровку:
Въ домѣ отца и матери
Выростила я свой тонкій станъ.

Сынъ благодаренъ за то добро, которое онъ видѣлъ въ отцовскомъ домѣ, и не покинетъ своихъ стариковъ, когда они не будутъ въ состояніи сами трудиться и добывать пропитаніе:

На черномъ лѣсѣ черная птица;
Если осыплется у нея пухъ-перья,
Кто ихъ соберетъ?
Если никто не соберетъ, соберу я самъ.
Ахъ батюшка, матушка,
Кто будетъ беречь васъ подь старость?
Никто не будетъ, и то я буду.

Чувашинъ ревностно охраняетъ честь своего дома; въ пѣснѣ онъ гордится тѣмъ, что, хотя на своемъ вѣку ему приходилось бывать въ различныхъ обстоятельствахъ и подвергаться всевозможнымъ случайностямъ, онъ все таки не навлекъ безчестья на свою семью:

Ходилъ я по болотамъ,
А не замаралъ своихъ бѣлыхъ ногъ;
Вездѣ я бывалъ, когда былъ молодъ,

А не осрамилъ ничѣмъ отца и мать.
 Съ незнакомыми людьми дружбу свелъ:
 Сверетниковъ у меня гораздо больше, чѣмъ друзей,
 А враговъ и того больше.

Дѣти всячески стараются угодить своимъ родителямъ; нелюбовь послѣднихъ дѣйствуетъ на нихъ удручающимъ образомъ:

Поставилъ я вдоль улицы бѣлую избу,
 Крышу покрылъ тонкимъ тесомъ,
 Съ боку посадилъ яблоню;
 Не садится на нее пѣвшая утромъ желтая птичка,
 Что мнѣ дѣлать?
 Ухожу я изъ нашего дома, отецъ и мать не плачутъ,
 Что мнѣ дѣлать?

Какъ я сказалъ выше, для чувашина сферу его привязанности, знакомствъ и знанія составляетъ только то, что находится въ предѣлахъ его деревни; постоянно живя въ ней, онъ до того къ ней привязывается, что она становится для него дорожее всего на свѣтѣ, онъ не скупится на ся возвеличеніе передъ другими деревнями волости и выдумываетъ для этого всевозможные эпитеты и сравненія, причемъ иной разъ хватается черезъ край сравнивая, напримѣръ, какое-нибудь Питеркино съ Петербургомъ, а село Четаи съ Нижнимъ ¹⁾. Бюрганскій чувашинъ такъ поетъ о своей деревнѣ:

Бюрганскія улицы широкія,
 Рядъ избъ стоитъ вдоль улицы;
 Дѣвушки тамъ, какъ русскія,
 Парни тамъ похожи на писарей.

* * *

На берегу Волги пятьдесятъ гусей,
 Всѣ пятьдесятъ черные;
 Если хочешь на нихъ посмотрѣть,
 Спустись на Волгу и посмотри.
 Если хочешь видѣть дѣвушекъ,
 Приходи смотрѣть въ деревню Бюрганъ:
 Деревня-то какая,—что городъ!
 Дѣвушки то какія,—что барышни!

* * *

Между семью цвѣтками
 Ягодный цвѣтокъ всего краше;

¹⁾ „Есть у насъ Питеркино, что Питеръ“...„Есть у насъ Четаи, что Нижний“ (изъ верховыхъ пѣсенъ).

Среди дѣвушекъ изъ девяти деревень
Бюрганская всѣхъ краше.

Въ другихъ пѣсняхъ деревенскіе парни своей деревни сравниваются съ восковыми свѣчами, горящими передъ иконою; толпа ихъ уподобляется веселому рою пчелъ, и проч.

Восхваляя своихъ односельчанъ, чувашинъ не преминетъ задѣть сосѣднія деревни, показывая ихъ въ самомъ неприглядномъ видѣ и всячески подтрунивая надъ ихъ обитателями:

Шемякинскіе овраги—семь овраговъ,
Въ семи оврагахъ семь лягушекъ;
Если одна изъ нихъ окажется двойнями,
Ее колютъ, думая, что это баранъ,
А какъ придетъ сосѣдка,
Ставятъ на столъ, будто шыртанъ¹⁾.

* * *

У Глухарева оврага загороди нѣтъ,
Зимою загородъ изъ сугробовъ,
Лѣтомъ загородъ изъ крапивы.

* * *

Наши Шольскіе ребята
Ходятъ, какъ писарскія дѣти;
Мижер-кассинскіе парни
Ходятъ, точно черные цыгане.

* * *

Виситъ на лбу пять талеровъ,
Всѣ они на одинъ манеръ;
Шемякинскія дѣвки
Всѣ со свиньей на одинъ манеръ.

Какъ чувашинъ предпочитаетъ своихъ односельчанъ всѣмъ другимъ, всячески возвеличиваетъ ихъ и превозноситъ, такъ-же онъ поступаетъ относительно своихъ родственниковъ, называя ихъ наилучшими людьми въ деревнѣ; они живутъ богато, сладко ѣдятъ и сладко пьютъ, съ ними поддерживаются самыя хорошія отношенія.

Казанскіе купцы что дѣлаютъ?
На счетахъ выкладываютъ, деньги считаютъ.
Наши родные что дѣлаютъ?
Бочку почали и медъ пьютъ.

¹⁾ У Буинскихъ чувашъ кушанье изъ говядины, поджариваемое на сковородѣ в у ласъ (въ Курмышск. уездѣ) кушанье въ родѣ колбасы.

* * *

У людей все повозки ямщицкія,
 А у насъ повозки плетенныя;
 У людей родня—все настоящіе мужики,
 А наша родня—что госнода.

* * *

Велѣлъ я срубить 170 деревъ,
 Поставилъ такую избу, что землѣ не сдержать;
 Ту избу, что землѣ не сдержать,
 Покрылъ я синей съ зеленымъ крышшей;
 На эту синезеленую избу
 Нанесло на 41 аршинъ снѣгу,
 На тѣ сорокъ одинъ аршинъ снѣгу
 Сдѣлала слѣдъ мивишлень ¹⁾-птица.
 Что ѣсть эта мивишлень-птица?
 Пшеницу клюетъ да молоко пьетъ.
 Наша родня что ѣсть?
 Сахаръ прикусываетъ да чай пьетъ.

Слѣдующее четырехстишіе говоритъ о характерѣ родственныхъ отношеній у чувашъ:

Купилъ я въ Алатырѣ пеструю корову,
 Недолго доилъ, а масла накопилъ.
 Недолго побылъ я у сестры и зятя,
 А почетъ увидѣлъ.

Говорятъ, что въ прежнее время дружба заключалась у чувашъ такъ тѣсно, что даже имущество одного изъ вступившихъ въ дружескій союзъ становилось, по рассказамъ чувашъ, имуществомъ другого. Такой другъ (по-чувашски *тоса*) имѣлъ право взять какую угодно вещь у того, кто заключилъ съ нимъ дружбу. Теперь это древнее учрежденіе утеряло, конечно, свою первобытную форму, и заключеніе подобнаго рода отношеній ограничивается тѣмъ, что „тосы“ дарятъ одинъ другому мелкую скотину: барана, овцу, жеребенка и т. п.

Въ пѣсняхъ друзья фигурируютъ наиболѣе умными и богатыми людьми въ обществѣ; для нихъ все готовы сдѣлать, они занимаютъ первое мѣсто послѣ родныхъ, ихъ расположеніемъ дорожатъ:

Много въ табунѣ добрыхъ коней,
 А не сравниться имъ съ тѣмъ конемъ, что на лбу звѣздоча

¹⁾ Слово, котораго перевода не знаю.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Много въ нашей деревнѣ добрыхъ людей,
А не сравниться имъ съ милыми друзьями.

* * *

На краю большой дороги три вяза,
На нихъ на трехъ три кукушки:
Кукуетъ ли хотя одна изъ нихъ?
Въ этой деревнѣ у меня три любимыхъ друга:
Поминаетъ ли меня хотя одинъ?

* * *

Сизый голубокъ, пестренькій глазокъ,
Кто увидитъ его, посыпьте ему пшеницы.
Наши милые друзья кругомъ повсюду,—
Кто ихъ увидитъ, скажите имъ поклонъ.

* * *

Самарская церковь гдѣ?—На высокой горѣ.
А гдѣ ея отраженіе?—На рѣкѣ.
Наши друзья живутъ на большой дорогѣ;
Зайди къ нимъ, когда пойдешь мимо,
И скажи о нашемъ здоровьѣ.

Другъ не всегда оказывается вѣренъ, онъ часто измѣняетъ
своей дружбѣ и она прерывается:

Пошелъ я за кугой, анъ ея нѣтъ,—
Воротился назадъ домой;
Началъ я рвать ее, а колѣнцевъ у нея нѣтъ.
Вышелъ я на средину улицы,
Улица оказалась долиной.
Любимый другъ сталъ чужимъ,
А тѣ, которыхъ раньше не любилъ,
Сдѣлались друзьями.

Чуваши въ дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ, а мнѣніе это
слагается изъ отдѣльныхъ мнѣній „добрыхъ людей“, которые
такъ часто упоминаются въ чувашскихъ напѣвахъ. По чуваш-
скому понятію добрые люди—это болѣе или менѣе хозяйственный
и честный народъ въ деревнѣ. Чуваши въ всячески старается при-
влечь вниманіе и расположеніе этихъ добрыхъ людей. Если онъ
хочетъ похвалить кого-либо въ пѣснѣ, онъ выставляетъ его во-
двѣмъ дружбу только съ „добрыми людьми“; самъ онъ возъ-
метъ за себя только дочь „добраго человѣка“. „Не быть ему
добрымъ человѣкомъ“, говорятъ чуваша о томъ, кто не подаетъ
надежды сдѣлаться степеннымъ, хозяйственнымъ мужикомъ.

Отецъ сказалъ мнѣ: поѣзжай на свадьбу,
 Но не иначе, какъ на тройкѣ,
 Чтобы смотрѣли и дивились добрые люди.

* * *

Вырубилъ я черный лѣсъ, проторилъ дорогу,
 По обѣимъ сторонамъ дороги желтые цвѣты,
 Что это за голоса подъ желтыми цвѣтами?
 Все жужжаніе шестиногихъ пчелъ.
 Что это за голоса въ домѣ этого хозяина?
 Все голоса дѣтей добрыхъ людей.

Рекутъ, уходя въ солдаты, не можетъ жениться на дѣвушкѣ, на которую палъ его выборъ, и передаетъ ее „доброму чело-
 вѣку“.

На тѣхъ дѣвушкахъ, Пусть женятся добрые люди
 Которыхъ мы взяли бы, И живутъ счастливо.

Среди „добрыхъ людей“ почтенное мѣсто занимають, конечно, старики, какъ хранители преданій народной мудрости и старины:

Вышелъ я за околицу, накосилъ сѣна,
 Не зная, что были тутъ ягодные цвѣты.
 Вошелъ я въ дверь и пошутилъ,
 Не зная, что были тутъ старики;
 Еслибъ зналъ, что старики были,
 Снять бы шапку, да поклониться.

Жизнь не всегда течетъ мирно и тихо, иной разъ бываютъ не-
 счастья, неудачи, а виною ихъ часто являются завистники-недру-
 ги, которымъ счастливая жизнь своего соседа не по сердцу, вотъ
 они начинаютъ вредить ему. Многія бѣды и неудачи, происходя-
 щія отъ собственной оплошности или отъ естественныхъ причинъ,
 чувашинъ склонены приписывать промскамъ своихъ враговъ, ихъ
 колдовству и проч. Занеможетъ у него лошадь — непременно кто-
 нибудь испортилъ ее изъ зависти; захвораетъ молодая на свадьбѣ —
 испортилъ кто-нибудь, глазилъ. Бываютъ такіе люди, утвержда-
 етъ чувашинъ, которые постоянно носятъ въ себѣ злобу на дру-
 гихъ, безпричинную ненависть ко всѣмъ; попадись такому чело-
 вѣку на глаза, непременно бѣда стрясется.

Здѣсь скажу кстати, что у чувашъ существуетъ много видовъ
 порчи. Такъ, неосторожно упавшій можетъ испортиться и тогда
 „ышшыр болатъ“ — заболѣетъ грудью. Если кто-нибудь наткнется
 на двухъ дерущихся, то онъ „хирись вурынатъ“ — поражается
 особаго рода порчей, которая носитъ названіе „встрѣчнаго пора-

женія“. Пузырщики играющіе на свадьбахъ на національномъ инструментѣ чувашь—пузырѣ (шыппыр), могутъ причинить другъ-другу порчу, которой техническое названіе „шыппыра“, т. е. пузырьная. Чувашинъ отъ всей души ненавидитъ своихъ недруговъ; въ пѣсняхъ, относящихся къ послѣднимъ, сразу виденъ гнѣвъ дикаря, который становится звѣремъ, разъ задѣты его интересы, и не пощадитъ никого, кто станетъ ему поперекъ дороги. По пѣснямъ, врагъ всячески старается подорвать благосостояніе добраго человѣка:

Въ темномъ лѣсу кукушка кукуеть,
Не зная ни сытости, ни голода;
Бѣтъ насъ ненавистникъ врагъ,
Но зная ни грѣха, ни спасенья.

Врагу не угодишь ничѣмъ, чтобъ заставить его покинуть свою злобу:

Не покупать намъ фунта шелку:
Хоть и купимъ, не сумѣемъ вышивать узоровъ.
Не писать намъ на бѣлой бумагѣ:
Хоть и напишемъ, не угодимъ врагамъ.

* * *

Казанскія горы высокія,
Не подыали ямщицы лошади.
Красавцемъ я уродился, молодцемъ выросъ,
Да возненавидѣли чувашскіе враги.

За это чувашинъ желаетъ имъ всевозможныхъ несчастій и гибели, иногда выражая это въ насмѣшливыхъ стихахъ:

Восходить на низовыхъ солнце
Изъ-за рѣденькихъ дубовъ.
Рѣдко родится красивый русый молодецъ,
А и родится, такъ сгибнетъ,—
Изведутъ его ненавистные враги.
Пусть у ненавистниковъ лопнутъ глаза,
И у тѣхъ, кто не терпитъ его, провалится лицо.

* * *

Весенняя овчина съ осенней овчиной
Когда же угодятъ на базаръ?
Наши ненавистные недруги
Когда же угодятъ на погостъ?

Чувашская молодежь живетъ общей жизнью, общими интересами, общими радостями. Сравнительно одинаковыя условія жизни служатъ единеніемъ для молодого поколѣнія, которое всегда на-

ходится во взаимномъ общеніи и для котораго жизнь врознь, естественно, немислима:

Съ гряды на гряду зеленый лукъ,
 Не срѣзать и не съѣсть—тяжело будетъ.
 Если родишься въ деревнѣ и вмѣстѣ вырастешь,
 Тяжело жить и не видаться другъ съ другомъ.

Все веселье для нихъ заключается въ общихъ играхъ, гулянкахъ и вечеринкахъ, устраниваемыхъ молодежью:

Если не надо входить на мостъ,
 То не надо пить ковша воды.
 Если не выйти въ этотъ хороводъ,
 То не надо и расти дѣвушкой.

* * *

Сѣлъ я вечеромъ, всталъ утромъ,
 Съ кѣмъ мнѣ износить свой камзолъ?
 Легъ я вечеромъ, всталъ утромъ,
 А все думушка о подругъ.

Въ играхъ принимаютъ участіе какъ молодые люди, такъ вмѣстѣ и дѣвушки, о которыхъ пѣсня говоритъ такъ:

Въ самой вышинѣ семь звѣздъ,
 Это и приносить красу міру;
 Въ этой игрѣ семьдесятъ дѣвушекъ,
 Это и приносить красу игрѣ.

Общія игры и веселье такъ дороги для нихъ, что они высказываютъ желаніе, чтобы ихъ забавы длились всю жизнь:

Вышелъ я въ поле погулять
 По всему зеленому лугу;
 Наши игры и смѣхъ
 Пусть продолжаются весь вѣкъ.

Во время этихъ игръ молодежь знакомится между собою, и между парнями и дѣвушками скоро устанавливаются очень близкія отношенія, которыя иногда дѣлаются крайне интимными. У верховыхъ чувашъ подобный родъ отношеній обыкновенно не считается предосудительнымъ и имѣеть значительное распространіе; что же касается до ихъ низовыхъ соплеменниковъ, то, какъ я слышалъ, нравы ихъ носятъ гораздо болѣе строгій характеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самыя вѣрованія народа поощряютъ свободную любовь: такъ, напр., говорятъ, что дѣвушка, скромно проводшая свою жизнь до замужества, становится на томъ свѣтѣ женою адакаго главы Эсреля. Въ другихъ мѣстностяхъ, напр., въ

Курмышскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., до сихъ поръ сохранились такъ называемыя „ухруды-ярмаркскіе“, т. е. весеннія гулянья по случаю сбора дикаго лука, которыя, судя по разсказамъ, мало чѣмъ отличаются отъ древнихъ русскихъ игрищъ, описываемыхъ у лѣтописцевъ. Сообразно съ вышесказаннымъ многія пѣсни верховыхъ чувашъ (о низовыхъ я здѣсь умалчиваю за неимѣніемъ достаточнаго матеріала) отличаются относительно большою нецензурностью содержанія, хотя онѣ поются вполне открыто и коренному чувашину покажутся только иногда забавными, подобно тому, какъ опереточные мотивы европейцу. Любовь у верховыхъ чувашъ вовсе не имѣетъ такого идеальнаго характера, какой ей присущъ въ поэзіи болѣе культурнаго народа; напротивъ, она у нихъ носитъ весьма грубый колоритъ, что достаточно видно изъ слѣдующей пѣсни:

Отъ души и сердца любящая дѣвушка
 Какъ съ другомъ обходится, какъ съ нимъ ночь проводить?
 Я тебя любилъ, почему ты меня не любила?
 Теперь ты послала мнѣ поклонъ,
 А я сказалъ: наплюю.
 Вы думаете, что только вы однѣ дочери добрыхъ людей;
 А я нашелъ дѣвушку получше васъ.
 Быть бы вамъ добрыми людьми, да насъ не обманывать!

Будущій женихъ считается у чувашъ назначеннымъ судьбою, суженымъ. Дѣвушка приписываетъ своему возлюбленному всевозможныя хорошія качества, отличающія его отъ прочихъ молодыхъ людей. Чувашская привычка похвастаться своимъ проявляется и тутъ:

Яркое пламя огня
 Видно черезъ много деревень.
 Суженый намъ молодецъ.
 Замѣтея черезъ дѣлую толпу людей.

Русый цвѣтъ волосъ, черные глаза и тонкій красивый станъ постоянно выставляются, какъ признаки, которыми чувашинъ надѣляетъ милыхъ ему людей:

Маленькая рѣчка—золотая вода,
 Не мости моста, а заставь прыгнуть лошадь.
 Вонъ красивый русый молодецъ,
 Не говори съ нимъ, а только мигни глазомъ.

* * *

Милая спускается на рѣчку,
 И поетъ пѣсню.

Голосъ ея, какъ голосъ лебеда,
Станъ, какъ волжскій камышъ.

* * *

Идемте, дѣвушки, погуляемъ,
Не дойдемъ ли мы до пчельника?
А что тамъ такое на пчельникѣ?
Слышь, есть два жениха.
Чего просить эти двое жениховъ?
Просить черноглазыхъ дѣвушекъ.
Чтобы глаза у нихъ были черные,
И талія тонкая, потому что это
Любить ихъ душа.

Дѣвушка желаетъ видѣть въ своемъ супругѣ не только одни
внѣшнія, но и внутреннія достоинства.

Бѣлая шапка на моей головѣ
Хорошо кабы была побольше подбита ватой.
Суженый намъ молодецъ
Кабы былъ съ умомъ да разумомъ.

Взаимная привязанность деревенской молодежи еще болѣе скрѣ-
пляется любовными отношеніями. Два любящихъ другъ-друга су-
щества только и думаютъ, какъ бы провести вмѣстѣ время:

Какъ не замочить ногъ,
Когда спустишься мыть бѣлую рубашку?
Когда поиграешь съ милымъ,
Какъ не радоваться душѣ?

* * *

Гдѣ дикій гусь?—Въ лощинѣ.
А пухъ гдѣ?—Въ лавкѣ.
Ахъ, головка моя молодая, головушка,
Гдѣ суженый, тамъ и моя думушка.

Иногда жестокая судьба разлучаетъ два любящихъ сердца,
различныя препятствія мѣшаютъ имъ вступить въ желанный союзъ
и разрушаютъ молодое счастье.

Зачѣмъ итти въ Шуматово на базаръ,
Когда не купить тамъ крымской шапки?
Зачѣмъ мнѣ и жить въ деревнѣ молодцу,
Когда нельзя взять милую подругу?

* * *

На обѣихъ рукахъ у меня по запястью:
Не будетъ ли тяжело моимъ рукамъ?
Если я не пойду за милаго,
Не будетъ ли тяжело душѣ?

До двадцати пяти лѣтъ чувашская молодежь уже обзаводится собственной семьей; парни женятся, дѣвушки выходятъ замужъ. Свадебный ритуальъ заключаетъ много пѣсенъ, которыя поются не вѣстой, замужними женщинами и парнями поѣзжанами, которые по-чувашски именуются „свадебными ребятами“¹⁾. Особенно много поютъ „свадебные ребята“; въ своихъ пѣсняхъ, иногда крайне неприличныхъ по содержанию, они касаются жениха, не вѣсты, осмѣиваютъ ея прежняго любовника, который въ пѣсняхъ называется „ложнымъ братцемъ“, и описываютъ ихъ качества и недостатки, о которыхъ упоминать здѣсь неумѣстно. Вообще, „свадебные ребята“ ведутъ себя очень вольно, поютъ, о чемъ хотятъ, и хвастаются своимъ значеніемъ:

Если мы на свадьбу не приѣдемъ,
То свадьба аккуратной не будетъ.
Вдѣйте домой, ребята!
Пора домой: дѣвки, поди, дожидаются.
Если мы домой не пойдѣмъ,
То у нашей деревни красы не будетъ.

Отдача въ замужество противъ воли дочери практикуется, по-видимому, и у чувашъ, потому что на это есть нѣкоторыя указанія въ ихъ пѣсняхъ. Дѣвушка, вышедшая не по любви, часто вспоминаетъ своего милаго; ея мужъ не нравится ей, чужая семья относится къ ней холодно и несочувственно.

Ахъ миленькій, миленькій!
Тотъ мостъ, что мы намостили,
Внезапно залило водою;
Нашимъ прежнимъ ложемъ
Внезапно завладѣлъ чужой.

* * *

Развѣ кто видѣлъ ноги
Летящаго лебедя?
Развѣ кто видѣлъ хорошее,
Попавъ къ семи чужимъ²⁾.

* * *

Развѣ слыхано, чтобы конь
Блѣ репейникъ, растущій по краямъ долины.

¹⁾ Чувашской свадьбѣ въ V кв. Этногр. Обзор. была посвящена мной братомъ особая статья, составленная на основаніи нашихъ совмѣстныхъ наблюденій 1888 г.

²⁾ Мужнина родня.

Развѣ видано, чтобы свекоръ и свекровь
Уважали свою сноху!

* * *

Чтобъ подняться на высокую гору,
Надо лошадь съ крылами вѣтра;
Чтобъ угодить семи чужимъ,
Нуженъ человекъ съ языкомъ ласточки.

* * *

У бабушки въ саду орѣшникъ,
Въ орѣшникѣ все орѣхи;
Бывало войду, да рву,
Выйду, да стану грызть.

* * *

У семи чужихъ въ саду липнякъ,
Въ липнякъ все змѣи:
Зашипятъ при входѣ,
Зашипятъ и при выходѣ.

Какъ ни наивна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чувашская пѣсни, какъ ни странна эта узкая изолированность, отсутствіе широты, увлеченіе внѣшностью, но въ общемъ поэзія чувашъ всетаки останется для насъ весьма симпатичной по господствующей въ ней мягкости тоновъ, любви и сильному чувству. Чувашинъ не является въ пѣснѣ исключительно преданнымъ низшимъ матеріальнымъ интересамъ; его самосознаніе восходитъ до истинно-человѣческихъ взглядовъ на жизнь; онъ уже способенъ углубиться въ себя самого, въ свой внутренній міръ и разсматривать философски то, что его окружаетъ. Онъ живетъ не только настоящей минутой: неизвѣстное будущее часто заставляетъ его призадумываться; его возмущаетъ людская несправедливость; онъ горюетъ о трудныхъ временахъ, которыя приходится переживать, и пытается объяснить тѣ грустные явленія, которыя видитъ у себя передъ глазами.

Надъ чернымъ лѣсомъ черная туча,
Что еще будетъ нити изъ нея?
Глупая моя душа, молодая голова!
Что еще приведется ей увидѣть?

* * *

На краю большой дороги кудрявая береза,
Едва вотъ не достанетъ кудрями до земли.
Ахъ, что это за доля такая!
Чуть-чуть вотъ не сравнится съ чужою.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

* * *

Между Волгой и Свіягой
Два молодца сидятъ въ лавкахъ,
Умываются бѣлыми мылами,
Утираются бѣлымъ миткалемъ,
Потому они и бѣлы бываютъ.
А вродѣ насъ ребята глупые
Умываются своими слезами,
Утираются рукавомъ рубахи,
Потому они и черны.

* * *

Улица широкая, дорога черная:
Кто увидитъ, какъ мы поидемъ?
Время тяжелое, люди дурные:
Кто будетъ плакать, если мы не поплачемъ?

Н. Ашмаринъ.